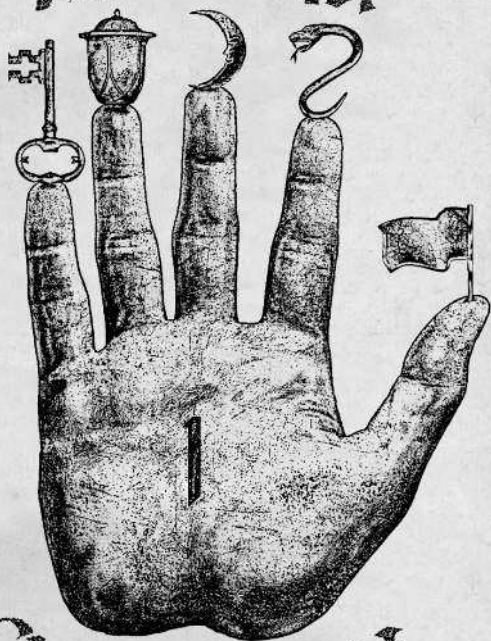

СМОТРИТЕЛЬ

ВИКТОР
ЦЕЛЕВИН

СМОТРИТЕЛЬ

кувырок мысли

МОСКВА
2016

ОРДЕН ЖЕЛТОГО ФЛАГА

СЕКРЕТНЫЙ МЕМУАР
СМ. АЛЕКСИСА ВТОРОГО,
ДАЛАЙ-ПАПЫ
и ВЕЛИКОГО МАГИСТРА,
С ВОСПОМИНАНИЯМИ,
РАЗМЫШЛЕНИЯМИ,
КРАСОТАМИ РЕЧИ И ФИГУРАМИ УМА.

IDYLLIUM
CCXVI A.D.F.A.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Художественное оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 Смотритель. Книга 1. Орден желтого фла-
га / Виктор Пелевин. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 320 с. — (Единственный и
неповторимый. Виктор Пелевин).

ISBN 978-5-699-90903-2

Император Павел Первый, великий алхимик и месме-
рист, не был убит заговорщиками — переворот был спек-
таклем, позволившим ему незаметно покинуть Петербург.
Павел Алхимик отбыл в новый мир, созданный гением
Франца-Антоня Месмера, — Идиллиум. Павел стал его
первым Смотрителем. Уже третье столетие Идиллиум
скрывается в тени нашего мира, взаимодействуя с ним по
особым законам. Охранять Идиллиум — дело Смотрите-
лей, коих сменилось уже немало. Каждый новый должен
узнать тайну Идиллиума и понять, кто такой он сам...

О чем эта книга на самом деле, будет зависеть от чи-
тателя — и его выбора.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90903-2

© В.О. Пелевин, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Что счастье?
Довольно, что не трушу,
влача свое ничто через нигде,
покуда черти чертят эту душу,
подобно быстрым вилам на воде.

Из монастырской поэзии¹

¹ Приписывается Никколо Первому. По другой версии, написано Павлом Алхимиком – и изменено Никколо Первым под влиянием декадентов: в утерянном павловском оригинале якобы было “влача свой крест Мальтийский в темноте, || где Троица сию рисует душу, || подобно быстрым вилам на воде”. В пользу этой гипотезы говорит то, что в Ветхой России времен Павла действительно распространены были вилы с тремя зубцами. Против этой версии – некоторая амбивалентность термина «Троица» в устах Павла Алхимика.

Предисловие

Я долго размышлял, имею ли я право писать о себе прежнем в первом лице. Наверно, нет. Но в таком случае этого не имеет права делать никто вообще.

В сущности, любое соединение местоимения «я» с глаголом прошедшего времени («я сделал», «я подумал») содержит метафизический, да и просто физический подлог. Даже когда человек рассказывает о случившемся минуту назад, оно произошло не с ним — перед нами уже другой поток вибраций, находящийся в ином пространстве.

Поэтому мудрые утверждают, что человек не может открыть рта, не солгав (я вернусь еще к этой теме). Меняется только количество неправды.

Когда человек говорит: «Вчера я выпил, и теперь у меня болит голова», это приемлемая ложь, хотя между вчерашним свежим кавалером и сегодняшним похмельным страдальцем часто не остается даже визуального сходства.

Когда же человек заявляет, например: «Десять лет назад я занял тысячу глюков на покупку уже сгоревшего к настоящему моменту дома», эта фраза вообще не имеет никакого смысла,

кроме судебного — во всех прочих отношениях былой заемщик и сгоревший дом уже ничем не отличаются друг от друга.

Я собираюсь рассказать о себе молодом — и правильнее было бы, конечно, писать про «Алексиса» (мое официальное имя) или хотя бы про «Алекса» (это значит «беззаконник» на смеси греческого с латынью, шутил мой куратор Галилео).

Но именовать героя, которого по-настоящему знаешь изнутри, словом «он» — это литературщина чистой воды: повествование теряет достоверность и начинает казаться выдумкой самому рассказчику.

Поэтому я решил писать от первого лица. Но прошу помнить, что герой молод и наивен. Иные из мыслей я мог приписать ему ретроспективно.

«Я» в таком случае — нечто вроде телескопа, сквозь который я нынешний гляжу на пляшущего в пространстве моей памяти человечка, а человечек глядит на меня...

Я почтительно посвящаю свой труд памяти Павла Великого, императора-алхимика, не узнанного на Ветхой Земле — и оставившего ее ради лучшей доли. В самое начало я помещаю отрывок из тайного дневника Павла — пусть он послужит вводным очерком к моему повествованию и избавит от нужды давать исторические справки.

*Алексис II де Кижэ,
Смотритель Идиллиума*

I

Латинский дневник Павла Алхимика, ч. 1 (ПСС, XIV, 102–112, перевод)

1782

De Docta Ignorantia

Веселый брат Фридрих (вернее было бы называть его дядюшкой, но масонство не предполагает таких обращений) пишет, что путешествие по Европе, предпринимаемое мною под именем графа Северного, могло бы войти в его учебник военной хитрости. Фридрих, верно, замыслил этот труд, когда маршал Геморрой обошел его с тыла, отрезав от последних греческих радостей.

Но на деле моя задача не так сложна, как он думает – венценосные лицемеры Европы так заморожены собственным хитроумием, что обмануть их не представляет труда и простецу (коим я, вслед за Николаем из Кузы, искренне полагаю себя самого).

Иллюминаты, самое зловредное и вероломное из нынешних европейских течений,

достойны места в учебнике Фридриха куда больше. Их тактика отменна – они маскируются под масонов, проникают в их ложи и постепенно выедают их изнутри; так, говорят, поступают некоторые паразиты насекомых, откладывая свои яйца в еще живых гусениц. Увы, иллюминаты далеки от настоящей Работы – на уме у них лишь власть и деньги. Поэтому не зазорно поступить с ними так, как сами они поступают с гусеницей масонства.

Через неделю в Вене меня примут в иллюминаты. Ложа будет думать, что заполучила в свои ряды будущего императора России – с ее огромной территорией и армией. Я же превращу иллюминатов в тайный рычаг Братства. И этим рычагом мы вскоре перевернем всю землю. Нашим Архимедом будет брат Франц-Антон, а точку опоры ему дам я. Результаты опытов столь обнадеживающи, что сомнений в удаче нет.

Вот вкратце моя сегодняшняя “Мудрость Простеца”.

1783 (1)

Aurora Borealis

Я полагал, брату Францу-Антону уже ничем не удастся удивить меня. Но увиденное в Париже поразило меня до сокровеннейших глубин души. Природа его открытия такова, что наши прежние планы, несмотря на их ве-

личие, кажутся теперь ничтожными. Возможно совсем иное – и грандиозное. Все превосходные степени человеческих языков бессильны его даже коснуться.

Брат Франц-Антон колеблется – он говорит, что наша власть над Флюидом недостаточна. Как ни странно, мой самый близкий единомышленник в Братстве, сразу принявший мой план, – это брат Бенджамин.

Возможно, дикие и безрадостные просторы Америки (Бенджамин выполняет в Париже обязанность американского посланника) приводят ум в бесстрашное состояние, свойственное и русским, не слишком ценящим свою жизнь. А наседающее со всех сторон дикарство заставляет наших антиподов задуматься о победе точно так же, как это делаем под гнетом своей утонченности мы, европейцы.

Брат Бенджамин весьма колоритен. Здесь шутят над его меховой шапкой, а он заморожен Версалем и Трианоном. Думаю, из него получился бы неплохой король Америки – или хотя бы, как здесь острили, *Le Duc des Antipodes*¹. Великолепная парочка – *Le Comte du Nord et le Duc des Antipodes*.

Брат Франц-Антон здесь в большой моде. Кроме высшей аристократии и короля, посвященных в тайну, у него много последователей среди простолюдинов. Те понимают под сло-

¹ Герцог де Антипод (фр.).

вом *mesmerisme* нечто дикое – знахарство вроде практикуемого в глухих российских углах сельскими колдунами.

Это смешно, но и мудро, ибо в тайну уже посвящено столько людей, что скрыть ее полностью было бы невозможно. Лучше спрятать ее под ложным пониманием, коим люди нашего века столь радостно пропитывают свои мозги.

У брата Франца-Антоня можно поучиться не только искусству власти над Флюидом, но и этой широко распахнутой во все стороны скрытности. Поступим же по его примеру – скроем горошину истины в озере лжи.

Новая ложа, основанная нами, будет называться “Всемирная Аврора”. Она будет всячески пропагандировать лжеучение, распространенное в народе под именем *mesmerisme*. Подлинное же искусство управления Флюидом будет доступно лишь скрытому внутри этой ложи ордену, который мы назовем *Aurora Borealis*. Свет сей Авроры увидят только избранные. Пусть истинная заря восходит под покровами ложной, отчасти разделяя с ней имя.

А если и этого недостаточно, чтобы скрыть Тайну, есть средство верное и окончательное, при одной мысли о котором мне делается весело: мы уже приняли к себе Калиостро, и за короткое время он наделает своими тестикулами столько пустого звону, что истину позабудут даже те, кому она случайно открылась.

1783 (2)

Среди современных ученых считается хорошим тоном отрицать, что дух может действовать на материю – это как бы выводит их из юрисдикции Римского Папы.

Один такой умник из числа братьев говорил сегодня Францу-Антону на собрании ложи, что методами науки можно наблюдать лишь то, как один материальный предмет влияет на другой – все же прочее есть просто акт веры. Франц-Антон изрядно рассмешил собравшихся, задав ему такой вопрос:

“Вам, друг мой, случается ли захотеть выпить вина – или выглянуть в окно?”

“Да”, ответил ученый, “бывает”.

“И ваша рука тянется к бутылке или к шпингалету, не так ли?”

“Именно так”, ответил ученый, “и я понимаю, что вы скажете дальше, почтенный брат мой, – но это лишь действие сугубо материальных причин, таких как жажда и духота, на мышцы моего тела”.

“Тогда”, сказал Франц-Антон, “рассмотрите следующий казус: какой-нибудь Карл Пятый решает, что его честь задета, и на следующий день стотысячная армия с пушками, весящими много тысяч фунтов, переходит границу. При этом лошади, тянущие за собой пушки, обильно покрывают навозом все окрестные дороги... Разве тут не случай воздействия духа на материю?”

Ученый молчал.

“Я специально упоминаю навоз”, продолжал Франц-Антон, “потому что заметил – при диспутах со жрецами материи именно эта субстанция отчего-то действует на их воображение самым непобедимым образом...”

Когда мы остались в кругу посвященных в высшую тайну, Франц-Антон, как бы вслед этому анекдоту, сказал несколько слов о природе Флюида. Запишу, пока помню дословно.

“Между материей и духом лежит отчетливая и непроходимая пропасть, которую признают мыслители всех веков. Так же отчетлива и несомненна их связь. Раньше я думал, что Флюид – именно то, что связывает материю с духом. Теперь же я полагаю Флюид тем, из чего возникают и материя, и дух. И по этой самой причине он может служить между ними мостом. Устремлять разум далее не следует – сохраняйте почтительное неведение насчет остального... Chute, monsieurs, chute...”

1783 (3)

Не все иллюминаты находятся под нашим контролем – есть и такие, что пытаются нам помешать. Невероятно, но они полагают, будто этого требует их долг перед Верховным Существом (под ним они обыкновенно понимают Бафомета). Они пытались убить Франца-Антонна: к нему подослали итальянца-бретера, считающегося великим фехтовальщиком.

Как легкомысленно со стороны Франца-Антоня было принять вызов! Но бретер назвал его *ciarlatano* – редкое итальянское ругательство, с которым Франц-Антон, по несчастью, знаком. Вчера еще он смеялся над Карлом Пятым – а сегодня увидел в случившемся *point d'honneur*. И таков разумнейший из людей, мне известных! Споткнуться на великом пути о собственную выдумку...

Еще глупее вышло остальное. Дуэль была тайной, но я смог на ней присутствовать. Бретер был настроен решительно – я понял это, перекинувшись с ним парой слов. По лицу Франца-Антоня было ясно, что он собирается играть благородного кавалера до конца и будет, вероятно, убит.

Следовало сделать выбор, и я его сделал: не успели они начать, как я парализовал фехтовальщика силами Флюида – и так удачно пережал ему мышцы, что бедняга, не успев сделать ни одного толкового выпада, свалился на шпагу Франца-Антоня. К счастью, тот держал ее под нужным углом.

Франц-Антон ничего не заподозрил – дуэли для него в новинку, и он был слишком взволнован видом крови. А вот фехтовальщик понял все. Когда я склонился над ним, он прохрипел:

«Не знаю, какою силой вы погубили меня, сударь – но теперь я спущусь на дно ада, чтобы овладеть ею. А потом вернусь и отомщу!»